

ЖИВЫЕ МЕРТВЫЕ

(отв. ред. специальной темы номера – И.А. Морозов)

УДК 39.393

DOI: 10.17223/2312461X/26/1

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ. ВВЕДЕНИЕ К СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕМЕ НОМЕРА*

Игорь Алексеевич Морозов

Аннотация. Статья посвящена анализу современных тенденций в похоронной обрядности, в том числе инновациям в культуре захоронений и в коммеморативных практиках в разных культурах. Многие инновации обусловлены изменениями в социальной и культурной сферах, демографическими процессами, экономическими факторами. Родственники, находясь на большом удалении и не имея возможности соблюдать традиционные практики, связанные с уходом за могилами, находят выход в установке новых типов памятников или использовании новых типов погребения (например, на «лесных кладбищах»), не требующих постоянного ухода и больших капиталовложений. Увеличивается и число анонимных захоронений. Проявляется также тенденция к использованию мемориальных и памятных мест с новыми целями в «темном туризме», превращении их в «пустые формы». Возникают новые способы коммеморации, основанные на индигенных архаических формах почитания мертвых, вроде культа Святой Смерти в Мексике. Все эти процессы свидетельствуют о глубинной потребности в поддержании самых разных способов коммуникации с умершими, которые не исчезают даже в современном постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: инновации в культуре захоронений, коммеморативные практики в современных обществах, «пустые формы», темный туризм

В данном блоке статей на материале типологически разных культур и разных исторических эпох проанализированы коммеморативные практики и представления о способах коммуникации с умершими, имеющих разные последствия для живых. Существующие в различных культурах верования о посмертном существовании и о возможности и необходимости поддержания контактов с «живыми мертвыми» могут воплощаться в обрядовых практиках разного типа, оказывать влияние

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 18-18-00082 «Умершие в мире живых: кросс-культурное исследование коммуникативных аспектов танатологических практик и верований».

на построение коллективных и индивидуальных жизненных стратегий, социальную топологию, использоваться в политических технологиях.

Отношение к смерти и умершим является своеобразным мерилom моральных установок и базовым фактором, определяющим сущность этических представлений, на всем протяжении человеческой истории. В разные эпохи и в разных культурах представления о сущности смерти и об отношении к умершим существенно варьировались (Смирнов 1997; Crubézy, Duchesne, Arlaud 2006; Lahtinen, Korpiola 2015; Classen 2016; Bertrand, Carol 2016; Lahtinen, Korpiola 2018), однако неизменным оставалось одно: эта часть мировоззренческого комплекса и ритуальных практик всегда занимала и продолжает занимать важное место в любой культуре.

Хотя погребальные традиции очень устойчивы и могут поддерживаться с незначительными вариациями в течение многих столетий, они, как и многие другие культурные явления, время от времени, особенно в эпохи интенсивных социально-экономических потрясений и под воздействием технологических революций, также подвергаются серьезным трансформациям. Так, например, происходит в последние десятилетия с интенсивным внедрением технологии кремации. Согласно проведенным исследованиям, количество кремаций увеличивается по всей Европе. Например, в Люксембурге, где подобный способ обращения с трупами был запрещен вплоть до 1973 г., в 2013 г. погребения в урнах составляли 60% всех захоронений, при том что еще в 1996 г. их было вдвое меньше. Во Франции на долю захоронений урн в 2013 г. приходилось около половины всех городских погребений и 32% сельских. Еще больше распространена кремация в протестантских странах. В Копенгагене, например, доля кремированных уже составляет около 95% (Maierus 2014: 54). Одновременно растет число анонимных урн, которые часто, вопреки запретам, развеиваются. По мнению Норберта Фишера, анонимизация захоронений – типичный признак мобильных обществ, в которых роль и значение постоянных пространств, предназначенных для погребений, и мест памяти стремительно уменьшаются.

О разрыве семейно-родственных связей в современных обществах свидетельствуют и современные тенденции оформления захоронений и способы ухода за ними. Точнее, поиск все новых возможностей упростить эти процедуры (см. Рыжова 2016). Это относится даже к регионам с достаточно консервативными традициями. Так, эмигрантка из Шауляя (Литва) Маргитт Рупкалвиес, проживающая в настоящее время в Мюнхене, рассказала нам о новой традиции оформления надгробий в некогда очень мало восприимчивой к подобным новациям католической Литве. Здесь в последние годы появилась и стремительно распространяется мода устанавливать так называемые 3D надгробия. Это стеклянные плиты, как правило, расположенные горизонтально, с нане-

сенными по специальной технологии красочными объемными рисунками: огромными цветами и цветочными венками, зажженными свечами, фигурами Девы Марии, другими изображениями, которые при первом восприятии сильно напоминают поздравительные открытки. Спрос на изготовление подобных надгробий постоянно увеличивается (Sententa 2019), причем никого не смущает их китчевый характер. Маргит объяснила подобный ажиотажный спрос тем, что в Литве в настоящее время молодежь стремится уехать в другие, более обеспеченные страны на заработки или на постоянное место жительства, поэтому за могилами родителей некому ухаживать. 3D надгробия отчасти решают эту проблему: изображенные на них цветы и свечи не требуют постоянного обновления и придают могиле ухоженный вид, особенно если оплачиваются услуги по уходу за ними кладбищенских служб.

От архаики к новым погребальным традициям

Некоторые новации при ближайшем рассмотрении оказываются возвращением к давно позабытым традициям. Так обстоит дело, например, с возникшим в мексиканском штате Веракрус в 1960-е гг. и стремительно распространившимся культом Святой Смерти (*Culto a la Santa Muerte*). Как считают исследователи, «в настоящее время нет достоверных сведений по поводу его происхождения, но очевидно одно: корни культа уходят в глубь веков, они тесно переплетены с историей как народов американского континента, так и с последствиями испанского завоевания». Его следы обнаруживаются в традиционном мексиканском Дне Мертвых, основным символом которого, как и в культе Святой Смерти, является женский скелет в белых одеждах, так называемая Катрина (Данненберг 2015: 23). И хотя культ долгое время устойчиво связывался с наркомафией и кровавыми человеческими жертвоприношениями, в настоящее время он широко распространен и за пределами данной субкультуры и может считаться по-настоящему народным (Тгасеу 2017), и, возможно, восходит к культам мертвых, распространенным в древних культурах Латинской Америки до Конкисты (Bray 1991).

Современные процессы в погребальной индустрии и в способах коммеморации, вызванные экономическими, социальными, технологическими процессами постиндустриальной эпохи, вносят существенные изменения в форму взаимодействия с умершими, но мало изменяют базовые принципы, на которых это взаимодействие строится. В последнее время все чаще появляются сообщения из разных точек земного шара о возникновении новых практик, связанных с погребением. Среди них можно выделить так называемые экологические захоронения. Например, 20 июля 2010 г. в китайском городе Тяньцзинь прошла

торжественная церемония массового захоронения, во время которой было одновременно захоронено 280 биodeградируемых урн из песка и глины (Шейвер 2010). Подобные погребения в Китае совершаются в так называемых мемориальных парках – специально отведенных природных территориях. На месте захоронения родственники могут сажать деревья и цветы, устанавливать небольшие надгробные камни. Если погребение совершается возле деревьев, на них могут вешать небольшие таблички с именами усопших. В прибрежных провинциях все чаще практикуется погребение, в ходе которого родственники развеивают прах усопших вместе с лепестками свежих цветов над морем. Основной мотивацией для подобного рода практик, которые существенно отличаются от традиционных китайских похорон, является потребность в экономии земли и не нанесении ущерба окружающей среде, который неизбежно связан с традиционными кладбищами. Кроме того, такие похороны значительно дешевле традиционной церемонии погребения тела, особенно с учетом возрастающей стоимости мест на кладбище. Ареал распространения подобных захоронений постоянно расширяется, они представлены уже и в Азии, и в Северной Америке, и в Европе (об этом см. в статье И.А. Морозова и А.А. Шрайнер).

Отметим, что погребения у дерева или на дереве, а также лесные захоронения имеют давнюю историю (Уайт 2006; Burial tree 2019) и представлены как в древних культурах, так и в Новое время. Например, в Японии в последние десятилетия активно возрождается традиция «древесных погребений» (Boret 2014). О подобных традициях в отдельных провинциях современного Китая и у малых народов Танзании пишут в своих статьях А.А. Закурдаев, М.Л. Бутовская и Д.А. Дронова.

«Пустые формы» в коммеморативных практиках

Отметим также еще одну тенденцию, которую мы обозначили как возникновение в мемориальных практиках «пустых форм» (Морозов 2019). Хорошим примером этого явления является памятник Орландо ди Лассо, расположенный на площади Променадеплатц в центре Мюнхена. Памятник знаменитому композитору был изготовлен и установлен в середине XIX в. Он существенно не выделялся среди других монументов, стоящих на площади, до 2009 г. Когда умер легендарный певец Майкл Джексон, его фанаты устроили из постамента памятника Орландо ди Лассо своеобразный мемориал. Со всех сторон постамент обклеен фотографиями Майкла Джексона, увешан воздушными шарами. Поклонники певца следят за тем, чтобы у подножия памятника все время лежали живые цветы и горели свечи (Мемориал Майкла Джексона... 2019). Памятник Орландо ди Лассо был выбран для создания этого маленького мемориала потому, что во время гастролей в Мюнхене

Майкл Джексон жил в отеле «Bayerischer Hof 5*», расположенном напротив площади Променадеплатц. Фактически памятник некогда прославленного во всей Европе и обласканного баварскими монархами композитора оказался «погребен» под напластованиями современной поп-культуры, превратившись в «пустую форму». Сейчас любой проходящий мимо человек охотно упомянет имя Майкла Джексона, но даже местные жители не всегда вспомнят, кто такой Орландо ди Лассо. Это тот случай, когда «на месте некогда исправно работающего механизма оказывается один кожух, внешняя оболочка, пустая форма» (Гречко 2010: 54).

В ряде случаев «опустошение формы» может происходить вполне сознательно. В качестве примера можно привести захоронение 22 тысяч жертв ковровых бомбардировок Мюнхена союзниками в конце Второй мировой войны на кладбище Нордфридхоф. В настоящее время площадка с захоронениями находится в полном запустении; большинство опрошенных нами посетителей кладбища затруднялись ответить, кому посвящен данный мемориал, в то время как расположенный неподалеку мемориальный комплекс с захоронениями погибших воинов союзных войск находится в прекрасном состоянии. Соображения политкорректности приводят к фактическому «опустошению» места памяти, его удалению из поля актуальных коммеморативных практик.

О существовании «пустой формы» можно говорить в том случае, когда воспринимающее сообщество (коллективный или конкретный адресат) не воспринимает уже существующее или существовавшее ранее, а также возникающее на его глазах новое культурное явление как нечто осмысленное, наделенное определенным значением для данного социума, а потому предпочитает считать его «бессмысленным» или начинает приписывать ему значения, которые могли бы сделать это явление функциональным, пригодным для употребления. Это значит, что «пустая форма» – это вовсе не «не имеющая смысла форма», а скорее «форма лишенная значения» вследствие непонимания, «бесполезности», нефункциональности. Можно также сказать, что «пустая форма» не имеет значения, но наделена смыслом. Состояние «пустой формы» в большинстве случаев является временным. Оно маркирует переход конкретного явления в новый формат своего существования.

Этот переход может иметь несколько стадий. Норберт Фишер, исследовавший захоронения и памятные знаки на месте жертв кораблекрушений в Северной Германии (Fischer 2007), выделяет три этапа их эволюции: 1-й этап – «поэтапное благочестие» (смерть других: создание мемориалов для безымянных пляжных трупов); 2-й этап – «постановочная идентичность» (собственная смерть: морские мемориалы как выражение региональной самоидентификации); 3-й этап – «постановочный миф»: морская смерть как зрелище (туристический маркетинг

«ужасов моря»). Практики такого рода не предполагают мотиваций, характерных для посещения могил родственников, и имеют иные эмоциональные и идеологические основания. Мотивом может послужить желание проявить солидарность с референтным сообществом или почувствовать эмоциональную сопричастность к нему. В других случаях это может быть мотивация, характерная для искателей приключений, в данном случае – лично побывать на месте массовой трагедии, чтобы «увидеть все своими глазами». На этом строится бизнес-стратегия «темного туризма» (*dark tourism*), в котором места захоронений используются как достопримечательности.

Тема «темного туризма» (Sharpley, Stone 2009), связанного с посещением мест массовой гибели людей, в настоящее время является чрезвычайно актуальной. Подобные формы туристической активности отмечаются во всем мире (об одном таком мемориале пишет в своей статье А.А. Белоногова). Здесь можно вспомнить и массовое паломничество в Освенцим и Бухенвальд, и регулярное посещение участниками сафари Мемориального центра геноцида Кигали (Kigali Genocide Memorial Centre), одной из главных достопримечательностей Руанды, посвященной массовому уничтожению представителей этнической группы тутси в 1994 г. Она представляет собой массовое захоронение жертв геноцида и постоянно действующую выставку, повествующую о событиях того периода. Центр был создан в апреле 2004 г. при содействии английской организации Aegis Trust и располагается на месте, где было похоронено более 250 тысяч погибших. С момента своего открытия мемориал принял уже более 100 тысяч посетителей, в том числе местных жителей, чьи родные и близкие стали жертвами массового побоища (Руанда. Кигали 2019). Многие тела, мумифицированные при помощи обработки известью, находятся на тех местах, где люди погибли, что не соответствует местным погребальным традициям. По обычаю тела погибших должны быть похоронены рядом с близкими родственниками и никогда не выставляются на всеобщее обозрение. Тем не менее ради политической консолидации пострадавшей в данной трагедии группы тутси власти пошли на нарушение традиции.

Все это позволяет говорить об особом статусе подобных объектов, которые фактически превращаются в «пустые формы», наполняемые ситуативно варьируемым содержанием, которое разрабатывается в расчете на целевую аудиторию (паломников, туристов), а также имеют идеологическую политически окрашенную подоплеку. Использование «пустых форм» позволяет задействовать коммеморативные практики у погребений реальных людей (в том числе знаменитых личностей) в политических и бизнес-проектах, создавая в этих целях локальную мифологию, символику и сопутствующие сервисы, в том числе обеспечива-

ющие коммуникацию посетителей с умершими, как это, например, происходит в Музеях смерти (см. статью Е.С. Данилко).

Заключение

Можно констатировать, что несмотря на разнообразные инновационные формы, появляющиеся в сфере погребальной обрядности и коммеморативных практик разного типа, большинство из них является переработкой старых, иногда очень архаических форм. Погребальные культуры древних скотоводов-кочевников невольно перекликаются с формирующимися на наших глазах похоронными традициями современного «мобильного» общества, не укорененного и не связанного надолго с определенным местом и, следовательно, не озабоченного поддержанием стабильных мест памяти. Это неизбежно приводит к постепенному выхолащиванию значений уже имеющихся мемориальных комплексов, превращению их в «пустые формы», которые нередко оказываются удобными для использования в современных бизнес-стратегиях. По-видимому во всех этих случаях мы сталкиваемся с констатацией существования некоего культурного механизма, при помощи которого устаревающие, выходящие из активного употребления явления, продолжают свое существование в культуре. Конечно, говоря о «ничто» или «пустой форме», мы не имеем ввиду нечто, абсолютно лишнее всякого содержания. Любое устаревшее явление в большинстве случаев имеет значение для пусть небольшого, узкого, но устойчивого круга пользователей. Это, кстати, можно сказать и о вновь возникающих формах, которые весьма неустойчивы и очень редко способны немедленно стать «наполненными» для широкого круга людей, даже в современном информационном обществе.

Литература

- Гречко П.К. Понятие местных сообществ в современной социальной теории // Местные сообщества. Проблемы социокультурного развития. М.: Независимый институт гражданского общества, 2010.
- Данненберг А.Н. Культ Santa Muerte: новое религиозное движение или народная католическая традиция? // Религиоведческие исследования. 2015. № 1 (11). С. 23–37.
- Морозов И.А. «Пустые формы» в процессах инноваций // Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.А. Самоделова, П.С. Куприянов, Е.Г. Чеснокова. М.: Индрик, 2019. С. 18–31.
- Boret S.P. Japanese tree burial: ecology, kinship and the culture of death. London; New York: Routledge, 2014.
- Fischer N. Gedächtnislandschaft Nordseeküste: Inszenierungen des maritimen Todes // Fischer N., Müller-Wusterwitz S., Schmidt-Lauber B. (Hg.) Inszenierungen der Küste. Berlin: Reimer, 2007. S. 150–183.

- Majerus S. Abschied vom Friedhof: Über den Wandel der Sepulkralkultur // Forum für Politik, Gesellschaft und Kultur. 2014. Nr. 345: Kulturpolitik. S. 54–59.
- Sharpley R., Stone P.R. (eds.) Darker Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism. Bristol: Channel View Publications, 2009.
- Tracey R. Santa Muerte: the history, rituals, and magic of our lady of the holy death. Newburyport: Weiser Books, 2017.

Источники

- Мемориал Майкла Джексона в Мюнхене, Германия // Dreamstime. URL: <https://ru.dreamstime.com/редакционное-изображение-мемория-майк-джексона-в-мюнхене-германии-image94655420> (дата обращения: 05.05.2019).
- Руанда. Кигали // TravelSPO. URL: <https://travelspo.ru/ruanda/kigali/genocide-memorial-centre> (дата обращения: 03.05.2019).
- Рыжова П. «Мертвые стремятся снять бремя памяти с живых». Что происходит с культурой смерти в современном городе // Газета.Ру. Дискуссия «Смерть в городе» из цикла бесед «Логос в городе», приуроченного к 25-летию юбилею философско-литературного журнала «Логос». URL: https://www.gazeta.ru/comments/2016/06/08_a_8292527.shtml; дата публикации 08.06.2016 (дата обращения: 03.05.2019).
- Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Вост. лит., 1997.
- Уайт Д.М. Индейцы Северной Америки: быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2006.
- Шейвер С. Экологичное захоронение на китайском кладбище // BigPicture.ru. Новости в фотографиях URL: <https://bigpicture.ru/?p=70855>; дата публикации 04.08.2010 (дата обращения: 03.05.2019).
- Bertrand R., Carol A. (dir.) Aux origines des cimetières contemporains: les réformes funéraires de l'Europe occidentale XVIIIe-XIXe siècle. Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 2016.
- Bray W. Everyday Life of the Aztecs. New York: Peter Bedrick Books, 1991.
- Burial tree // Wikipedia. The free Encyclopedia URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Burial_tree (дата обращения: 20.10.2019).
- Classen A. (ed.) Death in the Middle Ages and early modern times: the material and spiritual conditions of the culture of death. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016.
- Crubézy E., Duchesne S., Arlaud C. (dir.) Mort, les morts et la ville: Saints-Côme-et-Damien, Montpellier, Xe-XIVe siècles. Paris: Errance, 2006.
- Lahtinen A., Korpiola M. (ed.) Dying prepared in medieval and early modern northern Europe. Leiden; Boston: Brill, 2018.
- Lahtinen A., Korpiola M. (ed.) Cultures of Death and Dying in Medieval and Early Modern Europe // COLLEGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 18.
- Sententa. Originalūs stikliniai 3D antkapiai. URL: <http://www.3d-antkapiai.lt/atliktu-darbu-galerija> (дата обращения: 29.10.2019).

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2019 г.

Morozov Igor A.

LIFE AFTER DEATH IN MODERN SOCIETIES: TRADITIONS AND NEW PRACTICES. AN INTRODUCTION TO THE ISSUE'S SPECIAL THEME*

DOI: 10.17223/2312461X/26/1

Abstract. The article analyses the current state of funeral rituals and new trends in burial and commemorative practices in different cultures. Many of the observed novelties are the result

of social and cultural changes, demographic processes, and economic factors. Relatives of the deceased, who live far from burial sites and are thus not able to follow traditional practices of looking after the graves, find a way out installing new types of monuments or turning to new types of burial (for example, at 'forest cemeteries') that do not require constant care and large investments. The number of anonymous burials is also rising. In addition, memorial sites are being increasingly used for new purposes, such as 'dark tourism', turning into 'empty forms'. New commemorative practices are emerging inspired by archaic, indigenous forms of worshipping the dead, for example, the cult of the Holy Death in Mexico. All these processes indicate a deep need for maintaining a variety of ways of communicating with the dead, which does not disappear even in the post-industrial society.

Keywords: new burial practices; commemorative practices in modern societies; 'empty forms', dark tourism

* This work is supported by the Russian Science Foundation under grant No. 18-18-00082 "Deceased in the world of living: cross-cultural study of the communicative aspects of thanatological practices and beliefs".

References

- Grechko P.K. Poniatie mestnykh soobshchestv v sovremennoi sotsial'noi teorii [The notion of local communities in contemporary social theory]. In: *Mestnye soobshchestva. Problemy sotsiokul'turnogo razvitiia* [Local communities. Problems of sociocultural development]. Moscow: Nezavisimyi institut grazhdanskogo obshchestva, 2010.
- Dannenberg A.N. Kul't Santa Muerte: novoe religioznoe dvizhenie ili narodnaia katolicheskaiia traditsiia? [The cult of Santa Muerte: a new religious movement or a folk Catholic tradition?], *Religiovedcheskie issledovaniia*, 2015, no. 1 (11), pp. 23-37.
- Morozov I.A. «Pustye formy» v protsessakh innovatsii ['Empty forms' in innovations]. In: *Logika transformatsii: regional'naia i lokal'naia spetsifika kul'turnykh i iazykovykh protsessov* [The logic of transformation; distinctive regional and local features of cultural and linguistic processes]. Authors: I.A. Morozov, I.S. Sleptsova, E.A. Samodelova, P.S. Kupriianov, E.G. Chesnokova. Moscow: Indrik, 2019, pp. 18-31.
- Boret S.P. *Japanese tree burial: ecology, kinship and the culture of death*. London; New York: Routledge, 2014.
- Fischer N. Gedächtnislandschaft Nordseeküste: Inszenierungen des maritimen Todes. In: Fischer N., Müller-Wusterwitz S., Schmidt-Lauber B. (Hg.) *Inszenierungen der Küste*. Berlin: Reimer, 2007, pp. 150–183.
- Majerus S. Abschied vom Friedhof: Über den Wandel der Sepulkralkultur, *Forum für Politik, Gesellschaft und Kultur*, 2014, Nr. 345: Kulturpolitik, pp. 54-59.
- Sharpley R., Stone P.R. (eds.) *Darker Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism*. Bristol: Channel View Publications, 2009.
- Tracey R. *Santa Muerte: the history, rituals, and magic of our lady of the holy death*. Newburyport: Weiser Books, 2017.

Author's field materials and Internet resources

- Memorial Maikla Dzheksona v Miunkhene, Germaniia [Michael Jackson Memorial in Muenchen, Germany], *Dreamstime*. Available at: <https://ru.dreamstime.com/redaktionsnoe-izobrazhenie-memoria-maik-dzheksona-v-miunkhene-germanii-image94655420> (Accessed 5 May 2019).
- Ruanda. Kigali, *TravelSPO*. Available at: <https://travelspo.ru/ruanda/kigali/genocide-memorial-centre> (Accessed 3 May 2019).
- Ryzhova P. «Mertvye stremiatsia sniat' bremia pamiati s zhivyykh». Chto proiskhodit s kul'turoi smerti v sovremennom gorode ['The dead seek to free the living from the burden of

- memory'. What is going on with the culture of death in the city today], *Gazeta.Ru*. Diskussiiia «Smert' v gorode» iz tsikla besed «Logos v gorode», priurochennogo k 25-letnemu iubileiu filosofsko-literaturnogo zhurnala «Logos» [The discussion, titled 'Death in the city', from the series of conversations 'Logos in the city' dedicated to the 25th anniversary of the philosophy and literature journal 'Logos']. Available at: https://www.gazeta.ru/comments/2016/06/08_a_8292527.shtml; publ. online 08.06.2016 (Accessed 3 May 2019)
- Smirnov Iu.A. *Labirint: Morfologiia prednamerennogo pogrebeniia. Issledovanie, teksty, slovar'* [Labyrinth: The morphology of intentional burial. Research, texts, and glossary]. Moscow: Vostochnaia literatura, 1997.
- Uait D.M. *Indeitsy Severnoi Ameriki: byt, religiia, kul'tura* [The indigenous peoples of North America: everyday life, religion, and culture]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006.
- Sheiver S. Ekologichnoe zakhronenie na kitaiskom kladbishche [Ecological burial at a Chinese cemetery], *BigPicture.ru*. Novosti v fotografiakh Available at: <https://bigpicture.ru/?p=70855>; publ. online 04.08.2010 (Accessed 3 May 2019).
- Bertrand R., Carol A. (dir.) *Aux origines des cimetières contemporains: les réformes funéraires de l'Europe occidentale XVIIIe-XIXe siècle*. Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 2016.
- Bray W. *Everyday Life of the Aztecs*. New York: Peter Bedrick Books, 1991.
- Burial tree, *Wikipedia*. The free Encyclopedia Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Burial_tree (Accessed 20 October 2019).
- Classen A. (ed.) *Death in the Middle Ages and early modern times: the material and spiritual conditions of the culture of death*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016.
- Crubézy E., Duchesne S., Arlaud C. (dir.) *Mort, les morts et la ville: Saints-Côme-et-Damien, Montpellier, Xe-XIVe siècles*. Paris: Errance, 2006.
- Korpiola M., Lahtinen A. (ed.) *Dying prepared in medieval and early modern northern Europe*. Leiden; Boston: Brill, 2018.
- Korpiola M., Lahtinen A. (ed.) *Cultures of Death and Dying in Medieval and Early Modern Europe, COLLeGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences*. 2015, Vol. 18.
- Sententa. Originalūs stikliniai 3D antkapiai*. Available at: <http://www.3d-antkapiai.lt/atliktu-darbu-galerija> (Accessed 29 October 2019).